

ФИЛОНЕНКО Виктор Иванович — доктор социологических наук, директор Центра социально-политических исследований Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, Б. Садовая, 105/42; vfilonenko@sfnu.ru)

ШТОМПЕЛЬ Людмила Александровна — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории культуры, этики и эстетики Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, Б. Садовая, 105/42; lashtompel@gmail.com)

ШТОМПЕЛЬ Олег Михайлович — доктор философских наук, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, Б. Садовая, 105/42; shtompel@donpac.ru)

ПОНЕДЕЛКОВ Александр Васильевич — доктор политических наук, профессор; заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политологии и этнополитики Южно-Российского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70; ponedelkov@uriu.ranepa.ru)

КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Историческая память рассматривается в качестве проекции культурной памяти, выходящей за рамки опыта отдельного индивида и воплощенной в различных текстах культуры. С этой точки зрения исследуется культурная грамотность российских студентов, содержание, каналы и формы трансляции которой меняются в транзитивном обществе. Сохранение исторической памяти дает возможность студенческой молодежи адекватно вписываться в мир общих для россиян ценностных предпочтений, идеалов, норм поведения и коммуницирования, что является важным фактором стабилизации социального порядка. Данные теоретические положения конкретизируются в ходе авторских социологических исследований историко-культурной компетентности студентов вузов Ростовской области, проведенных в 2012, 2014, 2015 гг. В частности, зафиксирован ряд противоречий, которые свидетельствуют о недостатках в воспитании и обучении учащейся молодежи.

Ключевые слова: историческая и культурная память, культурная грамотность, студенчество, социальный порядок

Деидеологизация образования, происшедшая в нашей стране, не снимает задачи воспитания и обучения молодого поколения россиян [Брега 2010] как культурно-компетентной социальной общности, адекватно вписывающейся в существующие нормы поведения, способы общения и коммуницирования, что невозможно сделать без овладения той цементирующей социум силой, которую называют исторической памятью. Со времен одного из основателей социологического исследования данного феномена М. Хальбвакса [Хальбвакс 2005] особое внимание уделялось социокультурному статусу исторической памяти.

На этой теоретической основе Я. Ассман выдвинул идею культурной памяти, которая формируется, прежде всего, не в ходе устного межличностного общения в повседневной жизни, где существует в виде «живого воспоминания», а в качестве коллективной, социальной памяти общества (группы), выраженной в форме традиции, выходящей за рамки опыта отдельных личностей и воплощенной в различных текстах культуры [Ассман 2004]. Если первый вид памяти («живая» коммуникативная память) ограничен жизнью трех поколений (деды — отцы — дети) и носит относительно недолговечный характер, то второй вид памяти (собственно культурная память) связан с общепринятыми «пунктами фиксации» — важнейшими датами, именами, ритуалами, произведениями искусства и т.д.

Культуродетерминированность и культуроориентированность исторической памяти отмечается и российскими исследователями [Историческая память...

2002; Семилет 2004]. В условиях коренных изменений социальной жизни, кризисной транзитивности актуализируется интерес общества к данным проблемам [Тощенко 1998]. Утрата смысловой контекстности исторической памяти, непосредственно связанной с тем, что называют ядром культуры, ведет к ее обеднению, примитивизации и, в конечном счете, к разрушению социального порядка.

Основной задачей данной статьи является определение значимых характеристик исторической памяти российской студенческой молодежи (на примере Ростовской обл.) в контексте ее культурной грамотности как значимого фактора сохранения и развития социокультурного порядка.

Одной из самых востребованных категорий в современной гуманитаристике является понятие «культурная грамотность», которое часто используется в анализе исторического сознания, языка, культурной картины мира, фонового знания, культурной компетентности и т.д. Этот термин ввел в научный оборот американский культуролог и специалист в области методики обучения Э.Д. Хирш [Hirsch 1988]. Он исходил из базового положения о том, что общество как единое целое объединено не только политическими, экономическими и социальными институтами, но и, прежде всего, общей историей, языком, системой ценностей, представлений, аллюзий.

Культурная грамотность включает в себя и те самые общие фоновые знания, о которых говорилось в этнометодологии Г. Гарфинкеля [Гарфинкель 2007]. Фоновые знания имеют ярко окрашенную национально-культурную специфику, понять которую «чужакам» весьма затруднительно. Согласно идеям А. Шюца, это скрытые значения и смыслы, благодаря которым воспринимаются и интерпретируются различные феномены и явления социальной жизни, понять которые в полной мере возможно, только если индивид их «проживает», вписывая свою индивидуальную траекторию жизни в реальную социокультурную историю данной общности [Шюц 2004].

В данной статье анализируются результаты социологических исследований, проведенных в 2012, 2014, 2015 гг. и посвященных характеру историко-культурной компетентности в контексте восприятия студенческой молодежью базовых общекультурных и исторических ценностей — знаний и ценностных предпочтений, которые могут быть актуализированы в любой критический момент истории.

Социологические исследования последних лет [Цветкова 2014; Война была позавчера... 2015] демонстрируют, что, несмотря на разрушение единой для советских людей культурной картины мира в своих важнейших характеристиках, невзирая на всевозрастающий межпоколенческий разрыв между «миром взрослых» и молодежью, вынужденной планировать свое будущее в условиях кризиса и неопределенности, основным показателем единства историко-культурной памяти народа, ценностно-смыслового ядра культуры, дающего возможность единым образом интерпретировать феномены социальной жизни, является отношение к Великой Отечественной войне [Горшков, Шереги 2009: 36].

Отношение к Великой Отечественной войне выступает и важнейшим индикатором чувства патриотизма. Социологический опрос студентов вузов Ростовской обл. 2015 г. показал необходимость сохранения празднования Дня Победы как поистине всенародного праздника: это положение практически никем не оспаривается, являясь важным контекстуальным моментом коммуникативных актов, связанных с оценкой наиболее важных событий отечественной истории XX в. (только 2% респондентов считают его «неактуальным» или «ненужным»). Однако эта общая установка преломляется противоречивым образом на уровне культурной грамотности: удивительно, но 30% респондентов ухитрились неправильно назвать или вообще не указать дату начала Великой Отечественной войны,

в 2012 г. таковых было 25,2%. Для значительной части молодых людей многие художественные произведения о Великой Отечественной войне, знаковые для старшего поколения, оказались неизвестными: к примеру, правильно назвали автора «Молодой гвардии» 58,8% респондентов, остальные приписывали авторство М.А. Шолохову (15,8%), А.И. Солженицыну (10,7%), М.М. Зощенко (2,7%) и даже А.Т. Аверченко (0,3%). Далеко не все студенты знают героев Великой Отечественной войны: к примеру, кто такой Александр Матросов не смогли ответить 49% респондентов, Зою Космодемьянскую не знали 30,1% [Филоненко и др. 2015].

Абсолютное большинство опрошенных нами в 2015 г. студентов (82,7%) считают себя патриотами России. Однако интеллектуальная реконструкция самими же студентами этого чувства носит неоднозначный характер, явно не совпадающий с современной идеологией, направленной на укрепление российской государственности. Из 18 вариантов ответа на вопрос: «Скажите, что в первую очередь для Вас является предметом гордости за свою страну, свой народ?» (предусматривающий не более 4 вариантов ответа) – среди лидеров оказались факторы прежде всего историко-культурного характера: «наше прошлое, наша история» – 61,1%; «наша литература, искусство» – 40,7%; «великие люди моей национальности» – 34,0%. Явными аутсайдерами, набравшими наименьшее число голосов в рейтинге «предметов гордости», оказались «государство, в котором я живу» – 9,8% (примечательно, что значимость «нашей земли, территории, на которой мы живем» оценивается почти в 2 раза выше – 18,1%, а «родной природы» – почти в 3 раза – 26,4%). В числе аутсайдеров оказались и основополагающие символы государственности – «флагом, гербом, гимном» гордятся лишь 7,9% респондентов. Возникает парадоксальная ситуация, когда всемерная поддержка и одобрение деятельности президента РФ российской молодежью существует на фоне слабо выраженной позитивной оценки нашего государства.

Эта же тенденция прослеживается и в исторической памяти студенчества: 44,3% опрошенных (наибольшее число выбравших данный вариант из 12 вариантов ответа) на вопрос: «Какие аспекты истории Великой Отечественной войны чаще всего, на Ваш взгляд, подвергаются искажению, фальсификации?» – считают, что это «деятельность советского руководства в преддверии Второй мировой войны» (в 2012 г. этот показатель был почти на 1,5% ниже); только 13,3% респондентов (в 2012 г. – 16,2%) среди 13 факторов, которые в наибольшей степени способствовали победе в Великой Отечественной войне (необходимо было выбрать не более 4), выбрали «систему государственного управления страной», зато 20,4% отдали предпочтение «политическому и военному руководству И.В. Сталина» (3 года назад подобную точку зрения поддерживал каждый четвертый студент). Иначе говоря, мы наблюдаем «зеркальную ситуацию», когда студенты значительно выше оценивают роль лидера страны, нежели возглавляемой им государственной системы управления как в исторических, так и в современных событиях. Это обстоятельство, по-видимому, является характерной чертой «фонового знания» россиян, когда образ «царя» отделяется от восприятия «бояр» возглавляемого им государственного аппарата. При этом великим личностям не приписывается определяющее влияние на развитие исторических событий. Так, среди факторов, «в наибольшей степени способствующих победе в Великой Отечественной войне», 87% респондентов (что более чем на 4% выше, чем в 2012 г.) в числе лидирующих отметили «массовый героизм и патриотизм советского народа»; 40,4% – «труд в тылу советских граждан» (в 2012 г. – 53,3%); 37,7% – «партизанское движение» (в 2012 г. – 48,7%). Однако признание высочайшей значимости самоотверженности, героизма, патриотизма народа, его главенствующей роли в Победе сочетается с изрядной долей скептицизма в отношении силы и возмож-

ностей наших современников: только 54,8% респондентов считают, что «наша страна победила бы сейчас в войне, подобной Великой Отечественной войне по масштабу, тяжести испытаний». Следует особо отметить, что уверенных в мощи России в 2015 г. почти на 20% стало больше, чем в 2012 г. Влияет на этот показатель и направление подготовки, и место проживания до поступления в вуз: среди будущих инженеров, уверенных в победе нашей страны, он колеблется от 72 до 83%, тогда как среди будущих учителей, психологов и экономистов данный критерий не превышает 51%; на 10–15% проявляют больше оптимизма в настоящем вопросе уроженцы малых и средних городов и сельских поселений.

Обращает на себя внимание явный дисбаланс между тем, с чем у студентов ассоциируется образ нашей страны, нашего народа, и тем, что реально является для респондентов предметом их гордости в первую очередь. К примеру, в наибольшей степени студенты считают главной составной частью образа России и россиян «место, где я родился и вырос» (44,1% ответов), но в то же время гордятся своей «малой родиной» чуть ли не вдвое меньшее число респондентов – 23,1%. Если посмотреть по направлениям подготовки, то этот разрыв выглядит особенно большим у архитекторов и дизайнеров (49,2% и 14,8% соответственно); студентов сельскохозяйственного направления (52,3% и 27,2% соответственно) и психологов и педагогов (51,7% и 26,7% соответственно).

Примечательно, что студенты из г. Ростова-на-Дону и из других городов Ростовской обл. ответили на данные вопросы примерно в одинаковой пропорции: различие между включением в образ России места, где родился и вырос, и определением места своего рождения и взросления как предмета гордости за свою страну, свой народ составляет 23,3% и 23,5% соответственно; близки к этому значению и ответы тех, кто приехал из сельской местности Ростовской обл. (22,6%). Наименьший разрыв (13,9%) показали те, кто поступил в вузы Дона из других городов России, однако они реже избирали место своего рождения как элемент общего образа России (39,4%). В целом ассоциация между образом России и «малой родиной» более часто встречается у молодых людей, приехавших из сельской местности, нежели у горожан.

Социологический опрос 2014 г. был ориентирован прежде всего на абитуриентов и студентов начального этапа обучения в связи с тем, что базой для формирования основ исторической памяти в аспекте культурной грамотности являются школьные курсы гуманитарного цикла дисциплин и соответствующие им учебники и учебные пособия. Если в перестроечный период (1987–1988 гг.) не нашлось ни одного из опрошенных, кто бы позитивно оценил учебники по истории [Журавлев, Меркушин, Фомичев 1989: 123], то в дальнейшем ситуация меняется: уже в 2003 г. социологические опросы показали безусловное признание учебников в качестве основного источника историко-культурной памяти по сравнению с другими источниками [Историческая память... 2003: 62]. Примечательно, что 87% современных молодых людей из Ростова-на-Дону и Липецка сохраняют у себя учебники в качестве источника информации [Мерзлякова, Линченко, Овчинникова 2014]. В связи с этим в рамках ведущейся ныне дискуссии о том, какой учебник нужен нашей школе, можно отметить следующее. Во-первых, в качестве определяющего основы исторической и культурной грамотности необходим один – преимущественно информационный, содержащий важнейшие факты, которые должен знать каждый россиянин по истории и культуре нашей Родины: «что, где, когда». Во-вторых, нужны учебные пособия проблемного характера, где учащиеся могли бы ознакомиться с различными точками зрения, аргументированными оценками исторических и культурных событий, что способствует формированию у учащихся аналитических компетенций.

Исследование 2014 г. показало, что существует дисбаланс между необходимостью знания исторической логики становления, достижений в области будущей профессии и слабым знанием важных фактов, имеющих прямое отношение к профессиональной культуре студентов, избравших свои направления обучения. Так, 18,9% студентов инженерно-технологического направления подготовки считают, что первый космический спутник на околоземную орбиту запустили не в СССР, а в США; среди экономистов таковых 31,1%; среди студентов естественнонаучного направления – 16,2%; а среди гуманитариев – 21,9% [Уровень культурной... 2014].

Слабая профессионально-культурная ориентированность наблюдается и среди первокурсников, обучающихся на социально-гуманитарном направлении: 15,7% считают, что музей «Эрмитаж» находится в Москве, не осведомлены о его расположении 12,7% студентов, избравших архитектурно-дизайнерское направление обучения. Только 22,9% студентов психолого-педагогического направления знают, кто такой Андрей Тарковский.

В настоящее время исторические представления молодых людей о важности православия для становления российской культуры укрепляются. Из всех известных по школьному курсу важнейших историко-культурных дат только одна оказалась известной практически всем респондентам: о том, что Крещение Руси произошло в 988 г., знают в целом по вузам 95,9% опрошенных. Однако содержательных знаний культурного порядка в этой сфере явно не хватает. Так, зримыми символами, в которых воплощаются сущностные основания исторического сознания, являются бытующие в народном сознании образы святых, с именами которых связывается утверждение главных ценностей и идеалов культуры. Так вот: первых русских святых (Бориса и Глеба) не смогли назвать 60,9% опрошенных.

Наибольший разрыв между знанием о дате Крещения Руси (формальное историческое знание) и содержанием и спецификой православной культуры, фиксируемыми в образах и деяниях первых святых (содержательное культурное знание), наблюдается у студентов РГЭУ (РИНХ) и РостГМУ (79,0% и 71,2% респондентов соответственно не смогли назвать или неверно назвали первых русских святых).

Это можно проинтерпретировать как отсутствие интереса (а точнее, потребности) к знанию о характере духовности, складывающейся на Руси, о социальных параметрах религиозной жизни, религиозно-культурных представлениях общества, гражданской и политической истории России. Для верующих людей изучение житий святых выступает источником реконструкции богословских воззрений соответствующей эпохи, представлений о святости, спасении, обожении и т.д. На фоне того, что в 2011 г. 47% студентов донских вузов считали себя христианами, а 72,2% студентов назвали себя верующими, обозначенный выше разрыв выглядит удивительным [Социализация и воспитание... 2014: 70-78, 461].

Другими словами, если знание о годе Крещения Руси «встроено» в «словарь» исторической и культурной грамотности практически всех студентов (и тех, кто считает себя верующими, и тех, кто относит себя к неверующим), то те знания, которые связаны с представлениями о святости, спасении, духовности, остаются неизвестными для более чем 60% студентов. Видимо, религиозные настроения студентов во многом носят формальный характер. Так, посещают церковь в религиозные праздники только 6% молодых людей, а в первую пятёрку наиболее значимых для них праздников из религиозных вошла только Пасха [Мерзлякова, Линченко, Овчинникова 2014].

В исторической памяти любого этноса есть глубинные слои, связанные с представлениями о своих героях, богатырях и защитниках. Современные дети и подростки осваивают эти константы этнической памяти через сказки, преда-

ния, легенды и мифы. Сразу можно отметить, что засилье американских мультфильмов, доминирование западных героев-волшебников на теле- и киноэкранах сделало свое дело. Только 22,37% респондентов смогли назвать несколько русских былин, хотя это без труда может сделать любая малограмотная деревенская бабушка.

Менее всего знают русский фольклор представители естественнонаучного направления подготовки – 14,0%, более знающими оказались первокурсники инженерно-технологического (39,2%) и архитектурно-дизайнерского (34,5%) направлений подготовки.

Нынешнему молодому поколению больше известно о деяниях героев античной мифологии, чем о русских богатырях-заступниках. Конечно, античность лежит в основе европейской культуры, но знание античной мифологии в ущерб знанию мифологии своего народа чревато подменой исторической памяти. Так, назвать правильно не менее трех былин смогли 39,2% студентов инженерно-технологического направления, зато о том, что древнегреческого бога войны зовут Аресом, осведомлены 63% студентов этого направления. Среди студентов-архитекторов и дизайнеров их доля составляет 34,5% и 59,3% соответственно.

Изменение статуса историко-культурного прошлого в глазах студентов во многом связано с трансформацией механизмов его трансляции, поскольку живая традиция перестает быть ведущей формой передачи социокультурного опыта [Бритвина 2015]. Данное обстоятельство подтвердилось в ходе нашего социологического исследования 2015 г. Так, при ответе на вопрос: «Отметьте наиболее важные для Вас источники информации, из которых Вы получаете знания об истории Великой Отечественной войны» (не более 4 вариантов ответа) – среди приоритетных были названы: школа (59,1%; в 2012 г. – 69,9%) и документальные фильмы (55,8%). Семья как традиционный механизм социализации явно проигрывает в этом плане, оказавшись на 5-м месте после встреч с ветеранами ВОВ (41,8%; в 2012 г. – 37,7%) и просмотра художественных фильмов (34,4%; в 2012 г. – 37,7%): отметили рассказы родителей, знакомство с семейными архивами только 32,6% респондентов (в 2012 г. – 28,1%). СМИ (газеты, журналы, телепередачи) в данном контексте выглядят весьма бледно (выбор 14,1% опрошенных, что почти на 6% меньше, чем 3 года назад), проигрывая музеям и воинским мемориалам (30,3%; в 2012 г. – 24,8%), художественной литературе о войне (25,9%), высшим учебным заведениям (22,8%), интернет-источникам (19,6%; в 2012 г. – 17,9%). Интересно отметить, но «семейное единство», тем не менее, проявляется в том, что именно с семьей и родственниками 71,6% респондентов проводят праздничный день 9 мая. Данное обстоятельство ориентирует работу по патриотическому воспитанию на развитие «фамильных» изысканий в истории Великой Отечественной войны, сохранение памяти об участии старшего поколения в ней. Ведь в истории семьи отражается и история страны, и проекты по этой тематике следует сделать обязательными для учащихся различных уровней обучения.

Важное значение в определении уровня развитости и сохранения памяти и культурной компетентности студентов играет их способность анализировать проблемы, возникающие в ходе оценки тех или иных исторических и культурных явлений. Настораживает тот факт, что 24,3% «согласны» или «скорее согласны» с тем, что деятельность пособников фашистов – РОА (Власов), УНА-УНСО (С. Бандера) и других движений была направлена не на борьбу против Красной армии, а на борьбу против сталинского большевистского режима, а в 2012 г. таковых было еще больше – 31,1%. 36,3% опрошенных студентов не разобрались в этой проблеме. Неясность и противоречивость наблюдается и в ответе на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, было главной причиной массовых депортаций крымских

татар, чеченцев, калмыков, карачаевцев и др. во время Великой Отечественной войны?». 32,6% затруднились ответить; 25,4% посчитали, что из-за пособничества этих народов немецко-фашистским захватчикам; 11,1% – в связи с желанием советского руководства вытеснить нерусское население из Крыма и Северного Кавказа; 30,9% – из-за ошибок в национальной политике, неизбежных в условиях тоталитарного режима.

Из всего сказанного выше можно сделать следующий вывод. Историческая и культурная память является одним из факторов укрепления социального порядка, поскольку она цементирует общество людей, определяя единые ценностные основания их поведения, коммуницирования, общения, интерпретации действительности. Исследования исторической и культурной памяти российских студентов, проведенные нами в 2012, 2014 и 2015 гг., показали, что для поддержания социокультурной устойчивости общества у молодого поколения необходимо формировать соответствующий уровень культурной грамотности и компетентности. В ходе наших социологических исследований зафиксированы следующие противоречия:

– между некоторыми элементами исторической и культурной памяти, присущей россиянам, и их рациональной реконструкцией в сознании студентов (вопросы о патриотизме, «малой родине», праздновании Дня Победы и знании реалий Великой Отечественной войны);

– между формальными и содержательными аспектами историко-культурных знаний, значимых для россиян (вопросы о дате Крещения Руси и о подвигах православных святых, об основах этнической памяти в фольклорных образах и др.);

– между выбором профессии и отсутствием первичных элементов профессиональной культуры (вопросы о запуске спутника на околоземную орбиту и месте нахождения Эрмитажа);

– между знанием основ российской истории и их адекватной интерпретацией (вопрос о роли РОА и бандеровского движения в Великой Отечественной войне);

– между требованиями школьной программы и реальным уровнем историко-культурной грамотности (вопросы об авторе «Молодой гвардии» и героях Великой Отечественной войны).

Список литературы

Ассман Я. 2004. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры. 368 с.

Брега С.С. 2010. Воздействие нарративов на систему ценностей современного студенчества. – *Социология образования*. № 6. С. 90-96.

Бритвина И.Б. 2015. Проблемы сохранения и актуализации памяти о Великой Отечественной войне. – *Социс. Социологические исследования*. № 5. С. 18-21.

Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» (под общ. ред. Ю.Р. Вишневого). 2015. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.

Гарфинкель Г. 2007. *Исследования по этнометодологии*. СПб: Питер. 335 с.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. 2009. Молодежь России: демографические тенденции и историческое сознание. – *Мониторинг общественного мнения*. № 6. С. 5-36.

Журавлев Г.Т., Меркушин В.И., Фомичев Ю.К. 1989. Историческое сознание: опыт социологического исследования. – *Вопросы истории*. № 6. С. 118-129.

Историческая память: преемственность и трансформации: круглый стол. 2002. – *Социс. Социологические исследования*. № 8. С. 76-85.

Историческая память в массовом сознании российского общества (Результаты социологического мониторинга). 2003. – *Социология власти. Вестник Социологического центра РАГС*. № 2.

Мерзлякова И.Л., Линченко А.А., Овчинникова Э.В. 2014. Об историческом сознании современной студенческой молодежи. – *Социс. Социологические исследования*. № 12. С. 89-96.

Семилет Т.К. 2004. *Культурвитализм – концепция жизненных сил культуры*. Барнаул: Изд-во АГУ. 144 с.

Социализация и воспитание студенческой молодежи вузов Ростовской области (сравнительный анализ результатов исследований 2006, 2011 и 2013 годов): научно-методическая монография (под общ. ред. В.И. Филоненко; науч. ред. И.А. Гуськов). 2014. М.: Вузовская книга. 516 с.

Тощенко Ж.Т. 1998. Историческая память и социология. – *Социс. Социологические исследования*. № 5. С. 3-7.

Уровень культурной компетентности первокурсников вузов Ростовской области (результаты социологического исследования): монография (под общ. ред. В.И. Филоненко). 2014. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ. 170 с.

Филоненко В.И., Штомпель Л.А., Магранов А.С., Штомпель О.М., Никулина М.А., Ткачев М.В. 2015. *Великая Отечественная война в представлениях учащихся вузов: формирование российской гражданской идентичности (анализ результатов социологических исследований)*: монография (под общей ред. В.И. Филоненко, Л.А. Штомпель, А.С. Магранова). Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ. 364 с.

Хальбвакс М. 2005. Коллективная и историческая память. – *Неприкосновенный запас*. № 2-3(40-41). С. 8-27.

Цветкова И.В. 2014. Поколенческие различия и динамика патриотических ценностей (на примере г. Тольятти). – *Социс. Социологические исследования*. № 3. С. 45-51.

Шюц А. 2004. Чужак. – *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. М.: РОССПЭН. С. 533-549.

Hirsch E.D., Jr. 1988. *Cultural Literacy: What Every American Needs to Know*. NY: Knopf Doubleday Publishing Group. 272 p.

FILONENKO Viktor Ivanovich, *Dr.Sci. (Soc.)*, Director of the Center for Socio-political Researches, Southern Federal University (105/42 Bol'shaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344006; vfilonenko@sfnedu.ru)

SHTOMPEL Liudmila Aleksandrovna, *Dr.Sci.(Philos.)*, Head of the Chair of Theory of Culture, Ethics and Esthetics, Institute of Philosophy and Socio-political Sciences, Southern Federal University (105/42 Bol'shaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344006; lashtompel@gmail.com)

SHTOMPEL Oleg Mikhailovich, *Dr.Sci.(Philos.)*, Professor of the Chair of Theory of Culture, Ethics and Esthetics, Institute of Philosophy and Socio-political Sciences of the Southern Federal University (105/42 Bol'shaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344006; shtompel@donpac.ru)

PONEDELKOV Aleksandr Vasil'evich, *Dr.Sci.(Legal)*, Professor; Honored Scientist of Russia, Head of the Chair of Political Science and Ethnic Policy, South Russian Institute of Management – brunch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70 Pushkinskaja St, Rostov-on-Don, Russia, 344002; ponedelkov@skags.ru)

CULTURAL ASPECTS OF THE RUSSIAN STUDENTS' HISTORICAL MEMORY

Abstract. Historical memory is considered as the projection of the cultural memory, which is beyond the experience of the certain individual and embodies in various texts of culture. Cultural literacy of Russian students is investigated from this point of view. The contents, channels and forms of cultural literacy are changing in a transitive society. Preservation of historical memory gives the students chance to fit into the world of the common for Russians valuable preferences, ideals, standards of behavior and communication, which is an important factor of stabilization of a social order.

These theoretical calculations were concretized during the sociological researches of historical and cultural competence of students of higher educational institutions, conducted in the Rostov region in 2012, 2014, 2015. The authors mark in particular a number of contradictions, which indicate deficiencies in the education and training of students.

Keywords: historical and cultural memory, cultural competence, students, social order

РЫЖОВА Светлана Валентиновна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнической социологии Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; Silica2@yandex.ru)

О ЦЕННОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются междисциплинарные дискуссии о характере современной русской этничности. По результатам всероссийского социологического исследования при участии автора (мониторинг ИС РАН, 2-я волна, 2015) выявляются основные ценностные характеристики россиян. Наиболее востребованными оказались качества, которые отражают дефицит продуктивной гражданской межличностной кооперации и сотрудничества («уважение друг к другу», «взаимопомощь», «честность»). С опорой на гипотезу о ценностной значимости недостающего (Р. Инглхарт) был сделан вывод о том, что идентичность современных россиян (преимущественно русских) отражает опыт болезненных социальных трансформаций, дефицит социального капитала и деформацию традиционных культурных основ межличностной солидарности.

Ключевые слова: этническая идентичность, культура, ценности, социальный капитал, модернизация

Осмысление характера и особенностей русской этничности имеет длительную историю. «Русская идея» актуализируется в дискурсе философии и литературы и проявляет себя, самое позднее, в «Философических письмах»